

своимъ достояніемъ, какъ мною вышепоказано, свободно и безпрепятственно, пока на землѣ сіяетъ солнце, и пока *Мое царское Величество* нахожусь въ живыхъ. Потому что *Мое царское Величество* видѣвши хорошо устроенный порядокъ, приличіе и опрятность того *Моего царскаго монастыря* со всеми его потребностями со дней праѣдовъ и дѣдовъ моихъ, и родителей *Моего царскаго Величества*, и со дня въ Бозѣ почившаго царя Асына и Калимана и прочихъ праѣдовъ и дѣдовъ царей Болгарскихъ и родителей моихъ. — Все это увидѣвши и *Мое царское Величество* далъ тому *царскому монастырю*, сію грамоту къ которой привѣшена золотая печать. Когда-же прійдутъ того монастыря люди въ столицу царства Моего, въ Сръдецъ, никто да не употребить противъ нихъ ни на волосъ какого либо насилія; но по настоящему повелѣнію нашего *царскаго Величества*, да не будутъ они ни въ чемъ обезпокоены, ни за ихъ недвижимость, ни за ихъ новое и старое имущество; но совсѣмъ имуществомъ своимъ да пребываютъ они свободны и ни въ чемъ не безпокоимы.

По смѣрти *Моего царскаго Величества*, кого соизволитъ Господь Богъ, царь вѣчный, поставить на Моемъ престолѣ, или прелюбезнаго сына *Моего царскаго Величества*, или кого изъ братьевъ и родныхъ, да не покусится никто отмѣнить, отнять или уничтожить что либо изъ сего *Моего царскаго приношенія*, но даже таковой да обновить, утвердить и прибавить, какъ это прилично православнымъ царямъ. Если-же изъ таковыхъ кто покусится нарушить и отвергнуть сію *Мою царскую грамоту*, отнявъ что либо отъ написаннаго въ ней, и станетъ стеснять людей того пустышки отца Юанна Рыльского, то таковаго да икусить Господь